

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

“ЗА РОД СВОЙ, ЗА ОТЕЧЕСТВО...”

Триста лет полтавской победе

Как-то раз, читая воспоминания одного старого сельского жителя, пережившего в детстве немецко-фашистскую оккупацию, я обратил внимание на очень точное наблюдение этого человека: один раз каждый век приходят на несъятую русскую землю завоеватели из благополучной Европы и оставляют в этой небогатой русской земле свои холёные кости. А русская земля всех успокаивает... Как ни странно, но это правда – точно раз в век повторяются нашествия из Европы, нацеленные на захват и подчинение России. Логического объяснения этого феномена нет, но история свидетельствует: в XX веке это были гитлеровские фашисты, в XIX веке – наполеоновское воинство “двенадцати языков”, ещё раньше, в веке XVII, в “Смутное время”, – это была польская интервенция, а вот в начале XVIII века, ровно триста лет назад, в петровскую эпоху, нашествие на Россию предпринял молодой и очень удачливый шведский король Карл XII, считавшийся в то время непобедимым полководцем.

Предыстория этого нашествия была довольно долгой. Известно, что ещё начиная с XII века сначала немецкие рыцарские ордена, а затем феодальные государства Северной Европы – Швеция и Дания пытались овладеть восточным прибалтийским побережьем, часть которого – от Нарвы до устья Невы испокон века принадлежала одному из государств древней Руси – Новгородской республике и звалась в те времена “водской пятиной” по имени проживавшего здесь некогда племени водь. За эти земли веками шла ожесточённая борьба. Русские строили здесь свои крепости: Иван-город, Копорье и Орешек, а иностранные захватчики строили свои – Ниеншанц в устье Невы, Нарву и Нотебург (так они называли захваченный ими Орешек). В эпоху Ивана Грозного Россия совсем было овладела этими территориями (Иван Грозный начал даже строить в Нарве морские суда), но неудача в Ливонской войне подорвала этот успех. Вмешалась Польша, тоже претендовавшая на прибалтийские земли, и русские войска вынуждены были оставить почти уже завоёванную ими Прибалтику. Польско-литовское нашествие Стефана Батория, когда город Псков целый год сражался в осаде, удалось отбить, но в это время Ливонию захватила Швеция. И аппетиты молодого и агрессивного шведского королевства распространялись дальше – на земли Новгорода и Карелии. Пока Россия в начале XVII века сражалась с Польшей и переживала внутренние неурядица Смутного времени, Швеция захватила северные русские земли – вместе с Новгородом и Ладогой. Русское правительство в 1617 году было вынуждено подписать Столбовский мир со Швецией, по которому всё прибалтийское побережье России от Нарвы до Ладожского озера, вместе с устьем и истоком реки Невы, в общем, вся Ижорская земля, как называлась тогда эта территория – всё досталось Швеции. Здесь организовывалась новая шведская провинция Ингерманландия (швед. *Ingermanland*).

Условия того мира были для России очень жёсткими. Так, например, русским купцам запрещалось проезжать через эти земли для торговли на Запад.

Всё русское население из захваченных шведами городов выселялось в срок до двух недель, оставлялось только сельское население. Граница с Россией была закрыта, фактически Балтийское море было полностью блокировано для России. Эти тяжёлые обстоятельства во многом обусловили то экономическое отставание России, которое сложилось в течение XVII века, когда и Чёрное море было закрыто для России Османской империей, а западная граница контролировалась враждебной Польшей. Оставался выход через северный Архангельск, но он действовал только в летние месяцы, когда Белое море было свободно ото льда. Россия оказалась в губительной изоляции, всё более экономически деградировала, и лишь энергия и жажда преобразований молодого русского царя Петра Алексеевича разорвали этот порочный круг.

Не сразу Пётр I решился начать войну с могущественной шведской державой, которая к концу XVII века стала полностью господствовать на Балтийском море и прилегающей к этому морю землях. Только после оформления военного союза с Польшей, Данией и Саксонией, которые тоже страдали от шведской экспансии, Россия объявила в августе 1700 года войну Швеции, и Пётр I повёл своё войско на Нарву – сильнейшую шведскую крепость. И потерпел сокрушительное поражение! Громивший в это время датчан Карл XII неожиданно перебросил морем свою армию в Пернов (ныне Пярну в Эстонии) и пошёл бешеным маршем на Нарву. Русские военачальники не ожидали такой прыти от шведов и были застигнуты врасплох. Несмотря на героическое сопротивление нескольких русских полков нового строя (бывших потешных) русская армия, действующая ещё по старинке, по образцу стрелецкой рати старых московских царей, не выдержала стремительного штыкового удара шведов и бежала. Сам Пётр I еле спасся тогда, укрывшись в Новгороде.

О да, Швеция была сильнейшим противником! Не зря шведские короли – Карл X Густав (дед Карла XII) и Карл XI (его отец) на протяжении полувека реорганизовывали и укрепляли свою армию. Швеция была сравнительно молодым государством. Недавно ещё освободившаяся от политической зависимости от Дании, она отстояла свою свободу в борьбе с католической Польшей короля Сигизмунда III, который претендовал на шведский престол в начале XVII века. Швеция отвергла католицизм, исповедовала воинствующий протестантизм, наконец, в Швеции возобладал абсолютистский государственный монархический строй, и воинственные шведские короли активно включились в борьбу за передел Европы. С этой целью был создан сильнейший флот. Новостью в военном искусстве стало активное взаимодействие флота и сухопутной армии, когда армия спешно грузилась на корабли и доставлялась морем в любой район Балтики, высаживалась на побережье и наносила противнику неожиданный удар, как это и произошло под Нарвой. Обычными для шведской армии стали длительные скоростные марши, молниеносные удары, сокрушительные штыковые атаки, которых не мог выдержать ни один противник.

Русские учились военному искусству у шведов. Сам Пётр I и не скрывал этого, прямо называя шведов своими учителями. На шведском примере он понял силу взаимодействия армии и флота – отсюда его знаменитая мысль: государь, который имеет только армию, – имеет одну руку; имеющий ещё и флот, – имеет две руки. Вот почему, потерпев поражение под Нарвой, Пётр I отправился в Архангельск, где стали строиться первые русские корабли, и в 1702 году эти корабли по так называемой “Государевой дороге”, по сути, волоком были переправлены с Белого моря в Онежское озеро и Ладогу. Началось наступление на шведов со стороны Невы. Первым крупным успехом здесь стало взятие русскими войсками шведской крепости Нотебург (русского Орешка) в октябре 1702 года, а после и крепости Ниеншанц в устье Невы, где и была заложена новая столица России – город Санкт-Петербург. Это случилось 27 мая (здесь и далее даты по новому стилю. – Авт.) 1703 года. Дерзкой смелостью было со стороны русского царя заложить новую свою столицу на формально ещё чужой территории шведской провинции Ингерманландия! Но в это время русский генерал Шереметев уже громил шведов в Прибалтике, а Пётр I лично руководил штурмом Нарвы, наконец-то взятой русскими войсками летом 1704 года.

Карла XII не особенно тревожили эти успехи русских. Он надеялся всё вернуть – и с лихвой! Надо было только расправиться с Польшей, разгромить саксонские войска польского короля Августа II, который был одновременно и курфюрстом саксонским. Это ему удалось в ходе кампаний 1705–1707 гг. Не

помогла здесь королю Августу даже помощь русских войск под командованием Меншикова, направленных в Польшу по приказу Петра I. К осени 1708 года сложилось очень опасное для России положение, когда все союзники России были разгромлены шведами, из войны вышли Саксония и Дания, а в Польше Карлом XII на престол был посажен верный его ставленник король Станислав Лещинский. Таким образом, вновь, как и в начале XVII века, сложился очень опасный для России союз Польши и Швеции, а армия Карла XII стала выдвигаться из Польши через белорусские земли, входившие тогда в состав Польши, к Могилёву — к границам России. Предстояли решающие сражения!

К тому времени шведский король довёл свою армию до ста тысяч человек. Он мог рассчитывать на помощь польской армии Лещинского, а на Западе шведам активно помогала Англия, пославшая в Балтийское море свой флот, угрожая русским. Надеялся также Карл XII и на поддержку Османской Турции, желавшей вернуть крепость Азов. В общем, против России сплотились огромные силы, а когда такое случается в истории, тогда враги нашей державы не останавливаются перед тем, чтобы вторгнуться в глубины России, чтобы поразить её “в самое сердце”, как скажет позже Наполеон.

Из века в век такой поход против России имеет своей целью не просто нанесение военного поражения сильному восточному соседу, нет, цели его гораздо обширнее. По сути — полное уничтожение единого Российского государства, прежде всего — расчленение его на удельные княжества, захват ключевых земель на севере и на юге, превращение этих регионов в колониальные территории. Такими были планы решительно всех захватчиков, устремлявшихся когда бы то ни было на Русь. Именно такие планы строил и Карл XII. Он мечтал присоединить к Швеции весь север России вместе с Новгородом и Архангельском — и вплоть до Урала. Далее и Сибирь должна была стать колонией Швеции. В центре России воссоздавалось удельное Московское княжество с подвластным Швеции князьком. Юг России, в том числе и вся Украина, передавались Польше. Планы эти не были секретом ни для кого. Для захвата Архангельска уже была послана мощная шведская эскадра, получившая там достойный отпор. А вот на Украине дело обстояло сложнее.

Гетманом Левобережной Украины, входившей тогда в состав России, давно уже был Иван Степанович Мазепа. Происходивший из старинного казачьего рода, типичный представитель так называемой казачьей “старшины” — богатого сословия украинских казаков, он многие годы служил России. Ещё отец его участвовал в работе Переяславской рады, решившей вопрос о воссоединении Украины и России, был сподвижником Богдана Хмельницкого, но имел, правда, несколько иное представление о будущности Украины. Род Мазепы исповедовал “самостийность”, однако в реальности попытки проведения такой политики приводили лишь к служению “и нашим, и вашим”, балансированию между Польшей и Россией, но никак не к реальной независимости Украины.

К осени 1708 года Мазепа был уже довольно пожилым, по меркам того времени, человеком, ему исполнилось 64 года. Даже Пушкин, когда писал свою известную поэму “Полтава” и придумывал романтическую историю любви старика Мазепы и юной девицы Марии, дочери полковника Кочубея, был несколько смущён этим обстоятельством, и должен был в своей поэме специально оговаривать эту странность любви тем, что “...порой и старца строгий вид, рубцы чела, власы седые в воображенье красоты влагают страстные мечты”. Припишем это утверждение романтической восторженности поэта. Думается, что осенью 1708 года всё-таки не любовные утехы занимали гетмана Украины. Поход шведского короля на Москву, его возможная победа над Петром ввергали Украину во власть Польши, но ведь можно выторговать себе особые условия, рассуждал Мазепа, надо лишь вовремя оказать содействие Карлу... Таким особым условием для Мазепы было согласие шведского короля на создание на землях Украины некоего “княжества русского”, конечно, под протекторатом Польши, но со своим князем — Мазепой.

Гетман был очень богатым человеком, на одной Украине ему принадлежали сто тысяч крепостных крестьян и в России ещё двадцать тысяч. Он мог позволить себе дарить самому русскому царю драгоценные подарки — например, массивный золотой наперсный крест, осыпанный алмазами... Мазепа был своего рода олигархом XVIII века, но всякий олигарх тайне мечтает о большем — о высшей власти, и Иван Степанович был деятелем этого заката.

К сентябрю 1708 года сложилась довольно неопределённая военная ситуация в противостоянии шведских и русских войск на Днепре, на тогдашней

границе России и Польши. Шведская армия стояла у Могилёва, русские войска у Смоленска. Несколько небольших сражений между авангардами враждебных армий не привели ни к какому конкретному результату. Карл XII ожидал подхода резервного корпуса Левенгаупта из Прибалтики, для того чтобы дать русским генеральное сражение, а Пётр I колебался, хотя русская армия была многочисленней шведской. Сражение всё равно бы состоялось где-нибудь под Смоленском, как и водится в русской истории, но неожиданная акция гетмана Украины Мазепы смешала все планы. Мазепа открыто перешёл на сторону Карла и мало того, призвал его и его армию последовать на Украину, где обещал шведам военную помощь (привести Карлу до 50 тысяч украинских казаков!), обширные запасы продовольствия и вооружения. Шведский король был настолько увлечён Мазепой, что двинулся на юг со всей своей армией, даже не дождавшись подхода своего резервного корпуса Левенгаупта, чем и воспользовался Пётр I, разгромив этот корпус в сражении у Лесной 9 октября 1708 года. Победа эта оказалась увертюрой перед будущей генеральной битвой. Особая её ценность состояла в том, что это была первая крупная победа над войсками самого Карла XII, над частью его до сих пор непобедимой армии.

Между тем Карл медленно продвигался по Левобережной Украине, даже не задумываясь над тем, что постепенно заходит в ловушку, ведь Киев, например, лежащий западнее, отрёкся от предательства Мазепы, киевская церковь предала Мазепу анафеме, а украинские казаки избрали себе нового гетмана — Скоропадского, изъявившего преданность Петру. Земля горела под ногами изменника. Русская конница под командованием Меншикова захватила резиденцию гетмана в Батурине, затем был нанесён удар по его сторонникам в Запорожской Сечи. В этих условиях Мазепа стал колебаться. Внешне он поддерживал Карла, принял его в своей другой резиденции, в Гадяче, но оказывать ему решительной помощи он то ли не хотел, то ли решил обеспечить себе резервный вариант. Он писал письма русскому царю, предлагая ему тайный союз, обещая Петру выдать в нужный момент Карла XII с головой. Русский царь не отвечал изменнику.

Впрочем, мы не знаем всей подоплёки дела. Факты же говорят вот о чём. Именно с конца осени 1708 года, всю зиму и начало весны русские спешно укрепляют город Полтаву, лежащий в то время в стороне от возможных маршрутов шведского войска. Однако из Полтавы выводится почти всё мирное население и заменяется большим военным гарнизоном — до пяти тысяч человек. Строятся мощные земляные укрепления, насыпаются оборонительные валы. Командование гарнизоном города-крепости, в которую фактически превратилась Полтава, была поручена опытному военачальнику — полковнику Келину. Всё говорит о том, что именно здесь ожидается решительное сражение со шведами. Однако шведы подошли под Полтаву лишь в апреле следующего 1709 года. Откуда Пётр I мог знать за несколько месяцев вперёд планы Карла XII? Сам шведский король, перезимовав со своей армией в районе украинских городов Гадяч и Ромны, намеревался идти на Москву, но ему не хватало припасов, не хватало обещанных Мазепой украинских казаков. Всё это ты получишь в Полтаве — заверял его Мазепа, там огромные склады продовольствия и вооружения, туда же и я приведу к тебе запорожское войско...

Всё это были одни слова. Никаких запасов продовольствия и вооружений в Полтаве не было, а отряд верных гетману казаков, который Мазепа привёл под Полтаву, насчитывал от силы... до двух тысяч конников. И это вместо обещанных пятидесяти! Зато застряли шведы под Полтавой “всерьёз и надолго”. За всё время осады Карл предпринял двадцать штурмов, истратил почти весь свой боезапас, но не добился никаких успехов. Поход на Москву явно срывался, но теперь уже сам Пётр I искал генерального сражения со шведами. Сражение назревало, враждебные армии сходились всё ближе и ближе, но противники медлили, прощупывали силы друг друга, не решаясь вступить в решительный бой.

Пётр расположил свою армию вначале недалеко от Полтавы, на противоположном от города крутом берегу реки Ворсклы. Затем, словно опасаясь чего-то, отвлёк армию на север, там переправился на другой берег, и в районе деревни Семёновка основал укрепленный лагерь. Это было 30 июня, а ещё 27 июня на военном совете было принято решение дать шведам генеральное сражение. Однако Пётр медлит ещё пять дней, и лишь 6 июля он придвигает свою армию ближе к Полтаве и около Будищенского леса строит новый укреп-

лённый лагерь. Пётр распорядился возвести оборонительные редуты на пути к своему лагерю. И эта осторожность была небезосновательной.

На рассвете 8 июля 1709 года шведы перешли в наступление. Как всегда неожиданно король поднимает свою армию среди ночи, строит пехоту в четыре боевые колонны и посылает в бой. За колоннами пехоты разворачиваются ещё шесть колонн кавалерии – всю эту стройную и, кажется, непобедимую силу ведёт в сражение лучший командир короля фельдмаршал Карл Реншильд, сам король вынужден наблюдать сражение из коляски – он ранен на рекогносцировке, русское ядро повредило ему ногу. Однако он тут же, недалеко от места сражения, и шведские солдаты видят развевающийся штандарт своего непобедимого короля – золотой лев на голубом поле, грозно поднимающий когтистую лапу.

Русский царь прекрасно понимал, какой грозный противник стоит перед ним. Накануне в войсках был прочитан его приказ, на котором хочется остановиться особо, настолько текст и смысл этого приказа необычен для царской России.

“Воины! Сей пришёл час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должны вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложно быти и которую вы сами победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего вас, на того единого, яко всеильного в бранях упуйте, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего”.

Поразительные слова! Самое поразительное, что царь здесь сам говорит своим солдатам, что они **не за царя сражаются!** На протяжении веков, вплоть до 1917 года, русского солдата звали на бой “за Бога, Царя и Отечество!” Потом, было время – “за Сталина!” А здесь – не за царя, но за государство, этому царю вручённое, а самое главное – “за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь”. Такие слова невозможны были в устах ни одного русского государя, кроме Петра Великого. Пётр велик именно потому, что умел он в решающие моменты истории смирить свой нрав, склонить голову перед народом, сказать этому народу, тем же бывшим крепостным крестьянам, составлявшим основную массу русской армии: “...А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего”.

Для **благосостояния** народа, простых людей живёт государство!.. Жалко, что правители России, что прежние, что нынешние, только когда припечёт их шкуру, только тогда вспоминают эту простую истину. Но Пётр умел это признать. Потому и остался Великим в истории России, что в роковые моменты не отделял себя от народа.

А народ платил ему преданностью и мужеством в решающий час. Белгородский пехотный полк почти весь полёг на передовых редутах, но шведские колонны сумели взять лишь два передовых укрепления. Шведская конница под командованием прославленного генерала Шлиппенбаха пыталась обойти русских с правого фланга, но здесь наткнулась на конницу Меншикова, была отброшена, а после Шлиппенбах растерялся, потерял связь с основными силами шведов и сдался вместе со всем своим отрядом на милость русских. Такая же судьба постигла и шесть батальонов шведского генерала Росса (Розена), тоже сдавшегося русским “...уходит Розен сквозь теснины, сдаётся пылкий Шлиппенбах. Тесним мы шведов рать за ратью, темнеет слава их знамён, и Божьей брани благодатью наш каждый шаг запечатлён!” – Пушкин был точен в описании обстоятельств сражения.

Но битва ещё не закончилась. Основные силы шведов смогли прорваться сквозь линию передовых редут, и Пётр I был вынужден дать приказ об отходе русских войск к укреплениям своего лагеря. Русская армия как бы развернула свой фронт в направлении Будищенского леса, лицом на запад, спиной на восток, а шведы к 9 часам утра вынуждены были стать лицом на восток, и горячие лучи летнего утреннего солнца жгли им глаза, русские же прекрасно видели своего противника.

Король Карл мучился от того, что из-за раны не может лично вести войска в атаку. Однако его фельдмаршал Реншильд был опытный командир и, видя,

что русские численно преобладают над шведами, основные силы своих атакующих колонн сосредоточил на своём правом фланге, наиболее близком к русскому лагерю. Как всегда неожиданно передышка закончилась, и четыре тысячи шведских пехотинцев сомкнутым строем, штыки наперевес, с пением протестантских гимнов, с развёрнутыми знамёнами ринулись всей своей массой в убийственную штыковую атаку. Несколько минут страшного рукопашного боя, напор шведов не ослабевал, и вот – русские Московский и Бутырский полки подались назад. Кажется, ещё минута и – обратится в бегство весь левый фланг русских войск... Царь Пётр сам скачет сюда. Он берёт из второй линии войск два батальона Новгородского полка и лично ведёт их в бой! Пулей ему сбивают шляпу с головы, простреливают полы одежды, пуля застряла в седле, наконец, очередной меткий вражеский выстрел и – шведская пуля летит прямо в грудь государя!.. Но натывается на массивный золотой наперсный крест. Не тот ли это крест, что подарил Мазепа? – Бог весть, хотя история любит порой такие странные парадоксы.

Порядок в войсках восстановлен, шведы не смогли прорваться к русскому лагерю, силы их ослабевают. Сказывается отсутствие резерва у них, а у русских резерв есть. Это вторая линия войск, не принимавших до того участия в битве. И к 11 часам утра 8 июля эта линия войск переходит в атаку на шведов. Шведы уже не могут сопротивляться, они измотаны. Король Карл пытается подбодрить своих солдат, приказывает нести себя на носилках прямо на линию огня, но... очередное русское ядро разбивает эти носилки, король падает без памяти на землю, его прежде непобедимый штандарт с золотым львом также падает ниц. “Король убит!” – разносится среди шведов страшная весть. Очередной натиск русских и – шведский строй начинает распадаться, разрушаться... Армия кидается в бегство. Карл чудом спасся. Может быть, этому помогли казаки гетмана Мазепы, который всю битву стоял со своим отрядом, даже не пытаясь вмешаться в ход сражения? Известно только то, что бежали эти два деятеля вместе. Вместе добрались до Переволочны – переправы на Днепре, вместе оказались на территории Османской Турции, которая тогда начиналась тут же – за Днепром, и были укрыты от преследования русских пашой турецкой крепости Бендеры на Днестре.

Разгром шведов был страшен. Погибла по сути вся прежде непобедимая армия. Девять тысяч шведских солдат остались убитыми на поле боя. Восемнадцать тысяч сдалось в плен. Сдался в плен весь генералитет шведской армии во главе с фельдмаршалом Реншилдом. Когда его привели в шатёр к царю Петру, то государь, который был вне себя от радости и лихорадочного победного возбуждения, обнял своего врага, расцеловал и вручил ему его же шпагу. После поинтересовался: “Где же мой брат Карл?” – очень огорчился, когда ему сказали, что король, возможно, убит.

Ещё не остыла кровь убитых русских и шведских воинов на поле боя, а в шатре у царя Петра уже начинался победный пир. Первый тост – “за учителей наших!” – провозгласил Пётр. – Кто же ваши учителя? – спросил Реншилд. – Да вы, шведы, – спокойно ответил Пётр. Он был велик в этот момент. *“Пирует Пётр. И горд, и ясен, и славы полон взор его. И царский пир его прекращен при звуках войска своего!”*

На поле брани осталось 1345 убитых русских воинов, 3290 солдат было ранено. Война со Швецией будет длиться ещё двенадцать лет, завершится подписанием Ништадтского мирного договора в 1721 году. Россия получит выход к Балтийскому морю, а также обширные земли в Прибалтике. Большая часть этих территорий сейчас утрачена.

Остался город Санкт-Петербург, Петропавловский собор в крепости того же названия, заложенной Петром Великим, его гробница в окружении одетых камнем старинных бастионов. Осталась Россия – страна и народ со славной и трагической судьбой, всё ещё ждущий своего благосостояния, обещанного ему царём Петром на поле Полтавской битвы.